

Сергей ЛОМАКИН: *Взг. Москва, -1994, - 5ч. 10 мин. с. 2*

«Утро» вечера мудренее»

Каждый день, собираясь на работу, многие из нас наверняка смотрят, пусть даже не полностью, программу «Утро». Согласитесь: заряд бодрости и доброй энергии, исходящий от этой передачи, сохраняется надолго.

Наверное, поэтому у зрителей вызывают большой интерес ведущие программы «Утро». Ведь именно они способствуют нашему оптимистическому настрою на весь день. С одним из них, Сергеем Ломакиным, мы встретились в «Останкино». Сергей пригласил в комнату, на двери которой было написано «Отдел Союзной информации».

— Да, да, — улыбнулся телеведущий. — Таблички остались без изменения. Но наша программа действительно относится к разделу информационных. Ведь многие зрители черпают новости именно из наших сообщений.

— Раньше пара очаровательных журналистов появлялась на экране в определенный день. Теперь ведущих поубавилось. И они поодиночке несут утреннюю вахту. Это ради экономии?

— Сейчас концепция программы такова, что ведущий не должен быть главным в передаче. А ведь у каждого из нас были свои зрители. Мы и материалы готовили под свою аудиторию. Теперь информацию, скопившуюся на этот утренний час, мне дают. Иногда бывает, что и гости в программу приглашаются не мною. Может быть, поэтому ушли Ирина Зайцева, Петр Орлов, Максим Никулин. А ведь все они — профессионалы. Правда, и денег у нас платят не густо. Канал-то государственный. Вот журналисты и крутятся на нескольких работах. Конечно, качество передач от этого страдает. Не до творчества.

— Ну вам-то в творчестве не откажем. Хотя что-то из придуманного вами, к сожалению, с телеэкрана исчезло. Например, до недавнего времени в каждой передаче вы сообщали данные различных социологических опросов...

— ... Да. И это не всем нравилось. Как-то привел данные опроса женщин фондом «Общественное мнение». На вопрос «Внешность какого из политических деятелей вам наиболее симпатична?» наши дамы на первое место по красоте поставили Ельцина, на второе — Рукко. Начальство решило, что я виноват, ставлю политиков.

— И вас собрались отстранить от эфира?

— А как же! Заодно и рубрику прикрыли. Хотя все цифры социологи представляли нам бесплатно. Много у нас странного. Но мне не привыкать. Не первый год на телевидении.

— Было бы интересно узнать, как вы попали на ТВ. Да и какой институт надо заканчивать, чтобы вот так уверенно, с приветливой улыбкой, в течение долгого времени смотреть в камеру, вести передачу и чувствовать себя, как рыба в воде?

— Вообще-то я экономист. Работал в АПН, а потом перешел на телевидение.

— И в какую редакцию?

— Молодежную. Была такая передача «А ну-ка, девушки!» Там проработал год как автор и редактор. И вот в 1987 году Эдуард Сагалаев пригласил меня создавать новую программу — «Взгляд». Я

стал заведующим отделом и одним из ведущих. Ребята собрались лихие. Все помнят эти «Взгляды». Мы мотались по всему Союзу.

Как-то в 1987 году отправились снимать сюжет о строительстве Воронежской АЭС. Жители этого города были очень взволнованы. Почти в центре Воронежа возводилась атомная станция.

— А у всех еще была свежа память о Чернобыле...

— Да. И вот мы в Воронеже, у ворот стройки. Нас не пропускают. Показываем документы, спрашиваем — ни в какую. Секретный объект. Вдруг смотрим, в пяти метрах от часового народ через забор перемахивает. Ну мы туда. А там и ступеньки из бетонных плит сделаны. Перелезли на территорию — и к главному инженеру. Он даже не поинтересовался, как мы прошли, а сразу повел показывать атомный реактор. В общем, по словам главного инженера, полный порядок, чистота, соблюдение правил техники безопасности и полная гарантия от случайного облучения. Мы слушаем его, а у самих глаза на лоб лезут. Стоит на кожухе реактора уже пустая бутылка из-под водочки, колбаска лежит недоеденная. Подумаешь, АЭС строят в городе! Да на реакторе, оказывается, и поест, и попить можно.

— Я помню, взглядовцы не только за экологически чистую среду сражались, но и принимали самое активное участие в кампании по выборам в народные депутаты СССР.

По московскому каналу прошла встреча двух кандидатов: директора ЗИ-Ла Бракова и тогда опального, но любимого массами Ельцина. Задавались вопросы якобы от телезрителей. Как вопрос Бракову — так просто мед. Как Ельцину — ниже пояса. Странно это выглядело. И вот Полторанин, тогда тоже опальный редактор «Московской правды», провел расследование, проверил адреса телезрителей, звонивших в студию с вопросами. Результаты были поразительные. Мы пригласили Михаила Никифоровича в студию, и он все нам поведал. По одному адресу «зрителя» — аптека, в другом случае — парикмахерская и дальше все в том же духе. На следующий день началось! Мне домой звонили большие начальники и высказывали свое недовольство. Среди них

были даже члены Политбюро Медведев и Зайков. Собрались уволить, но потом как-то все сгладилось. И все-таки в 1990 году я ушел из программы сам. Опять-таки по приглашению Эдуарда Сагалаева.

— И куда на этот раз?

— В программу «Время».

— Именно в этот период многие зрители воспринимали вас как «придворного» журналиста, обласканного президентом Горбачевым.

— Ну «придворный» это слишком... Программа «Время» снимала много так называемых протокольных сюжетов — информации секунд на 40. Однако приходилось по 3—4 часа сидеть со съемочной группой в какой-нибудь приемной и ждать, когда разрешат работать.

Однажды мы должны были снять первое заседание Президентского Совета у Горбачева. Сидим, ждем начала заседания. И вот я думаю, почему бы не воспользоваться случаем и не взять интервью у президента? Известно, что такая идея, как правило, осуществляется очень долго, порой месяцами, и не всегда ее финал бывает успешным. Но я рискнул. Подошел к помощнику. Ему это предложение понравилось. Он тут же поговорил с Горбачевым. И о чудо! Михаил Сергеевич без всяких проволочек, ожиданий и подготовок дал интервью нашей программе.

— И с тех пор президент к вам благоволил?

— Во всяком случае я вошел в группу журналистов, имевших доступ к Горбачеву. Освещал его визиты в Англию, Францию, Японию. Правда, в Китай мне выезд закрыли. В 1990 году я снял фильм о Тайване, государстве сказочном и удивительном. Но китайцы до сих пор считают Тайвань своей провинцией. Прислали ноту протеста в МИД и на телевидение.

— И вас опять собрались уволить?

— Да. Но снова все обошлось. Хотя после этого я недолго оставался политическим обозревателем. Так что в моей жизни было много потрясений, удач и страданий.

— Например?

— Например, даже на референдуме голосовал странно. Всех предупреждали, что на избирательном бюллетене должна быть печать. Вижу, вопросы есть, знаменитые «да, да, нет, да» — есть, а печати нет. Комиссия поясняет, что печать на обороте бюллетеня. Смотрю, а там такой до боли родной, давно забытый, но всем нам знакомый очаровательный штампик ВЛКСМ «Уплатчено». Как же так, спрашиваю, СССР нет, ВЛКСМ нет — значит недействителен бюллетень? А в ответ слышу: «У нас все действительно. Не морочьте нам головы!» Вот я и моя семья и проголосовали.

— А семья у вас большая?

— Жена, сын-студент, дочь, мама и еще старенькие «Жигули», о которых я забочусь не меньше, чем о детях.

— Так что и утро, и вечер в заботах...

— Но «Утро» вечера мудренее!

И Сергей улыбнулся своей знаменитой улыбкой, неотразимую силу которой мы все давно почувствовали на себе.

Беседовала Е. ХОЛМОГорова.